
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ. ОБЩИЕ ИТОГИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Гринберг Р. С.**

Наша страна по-прежнему находится в сложных условиях переходного периода от одной социально-экономической системы к другой, и рассчитывать на его скорое завершение, судя по всему, не приходится. Однако шансы на построение в РФ гражданского общества плюралистической демократии и социального рыночного хозяйства сохраняются, несмотря на все сложности и препятствия. Дефекты современной экономики России очень серьезны, однако это не значит, что их нельзя преодолеть. Главное – извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Ключевые слова: рыночная экономика, реформы, системная трансформация, промышленное производство, инвестиции, малый бизнес, экономическая социодинамика.

Our country is still in a difficult situation of a transition period from one social and economic system to another and it is clear that this period will not finish soon. However, despite all the difficulties and obstacles, there is still a chance to build a civil society with pluralistic democracy and social market economy in Russia. The drawbacks of contemporary Russian economy are very serious but this does not mean that we are unable to overcome them. The main thing is to learn from the past and not to make new mistakes any more.

Keywords: market economy, reforms, system transformation, industrial production, investments, small business, economic sociodynamics.

Россия все еще находится в суровых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, и, судя по всему, он завершится не завтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах, что, похоже, имеет место сегодня – сохраняются. Главное – уметь извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Справедливости ради надо выделить целый ряд положительных итогов состоявшихся преобразований. Их очевидный успех состоит в том, что преодолена

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 14-02-00330.

** Гринберг Руслан Семенович – д. э. н., профессор, директор Института экономики РАН.

изолированность страны от внешнего мира, демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез унижительный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на уют. Раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Растет зрелость предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне достаточно быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнивательность в личных доходах и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: имеет смысл зарабатывать деньги, если появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги.

После 70 лет господства административно-директивной экономической системы в стране были достаточно быстро созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики, то есть коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо отнести появление массовой бедности, масштабы которой за годы радикальных перемен стремительно увеличивались за счет размывания сложившегося в СССР пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса.

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что плодами проведенных преобразований реально пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет борьбу за существование более суровую, чем в советские времена. Поляризация личных доходов носит действительно скандальный характер. По данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек [Российская... 2013].

Нельзя, конечно, забывать, что на результативность отечественных реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, затруднившие системную трансформацию в России в большей степени, чем у партнеров по бывшему СЭВ. Так, в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, а в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Кроме того, надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача проведения системной трансформации при стремительном распаде ранее единого государства.

Суперцентрализованная система экономики плюс полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчили реализацию идей национально-хозяйственного сепаратизма, который, как правило, игнорирует резоны экономической целесообразности. Каковы бы ни

были надежды лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра, и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия отнюдь не стала здесь исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России стало лежащее на ней огромное бремя гипертрофированного военно-промышленного комплекса.

Тем не менее можно уверенно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России в первую очередь рукотворны и только во вторую – предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями.

Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даст быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными.

Рассмотрим важнейшие показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал и реальных доходов населения России
(в % к 1990 г.)**

	1993 г.	1995 г.	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.*
Производство промышленной продукции	64,9	49,7	46,2	54,2	72,7	83,0	74,1	79,5	86,7	89,0
Производство продукции сельского хозяйства	82,7	67,0	56,0	61,9	71,2	84,1	85,3	75,7	94,1	98,4
Инвестиции в основной капитал	44,9	30,7	21,0	25,9	42,5	67,9	58,7	62,4	73,7	73,6
Реальные (располагаемые) доходы населения	51,1	40,0	32,8 (1999)	36,7	63,5	82,7	85,3	90,3	98,0	99,8

* Данные Прогноза социально-экономического развития РФ на 2015 г. и на плановый период 2016–2017 гг.

Расчитано по: Российский... 2000: 57; 2002: 37, 38; Россия... 2014: 40–42.

Из приведенных в табл. 1 данных видно, что по важнейшим социально-экономическим показателям за почти 25-летний период не достигнут уровень даже 1990 г.

При этом на протяжении данных лет наблюдалась тенденция примитивизации российской экономики. Иными словами, имело место снижение качества экономической динамики независимо от того, была ли она отрицательной (как в 90-е гг.) или положительной (как в «тучные» нулевые годы).

Качественное развитие экономики, как известно, зависит от технико-технологического оснащения промышленного производства, определяющего место в ее структуре высокотехнологичного сектора (совокупность авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей), и его ядра – машиностроения, достигающего в развитых странах 30–50 %

в структуре промышленного производства. Как же выглядела Россия на этом фоне?

Таблица 2

**Структура промышленного производства России
(в % к итогу)**

Отрасли промышленности	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6	7
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	25,6	25,4	26,8	25,0	28,7
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	15,8	13,9	13,3	9,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	7,1	6,2	6,4	7,0	6,4
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,0	16,4	13,0	13,8	14,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,6	4,0	3,4	3,3	2,6
Промышленность строительных материалов	3,4	4,3	2,4	3,1	4,1	2,9
Легкая промышленность	11,0	2,2	1,4	0,8	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	10,6	11,1	10,9	10,8	10,4

Расчитано по: Российский... 2003: 341, 344, 356–369, 373, 376, 379, 384, 394; Россия... 2014: 240–242.

Из табл. 2 следует, что структура промышленного производства в РФ приобрела за годы реформ очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в 2 раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Так, удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14 %, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах.

Примитивизации подверглась структура не только промышленного производства, но и внешней торговли, прежде всего экспорта. В то время как 85 % товарного экспорта страны приходится на минеральные ресурсы, металл, древесину, доля продукции в нем производств, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение и металлообработка), сократилась с 20 до 5 % [Россия... 2014: 529, 532].

Произошло существенное ухудшение качества основных фондов – базовой основы развития экономики: износ достиг 50 % [Российский... 2003: 302; Россия... 2009: 71; 2014: 34, 74, 78].

При сохранении физического объема основных фондов за годы реформ в условиях беспрецедентного сокращения инвестиций в основной капитал, составивших в 2013 г. лишь 73,7 % от уровня 1990 г., имело место их физическое и моральное старение, особенно активной части (табл. 3). В результате страна утрачивает конкурентоспособность на мировом рынке в области технологий и высоко-

технологичной продукции. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет ныне менее 1 % (для сравнения: США – 36 %, Япония – 30 %).

Таблица 3

**Динамика возрастной структуры производственного оборудования
в промышленности**

	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
% оборудования на конец года в возрасте: до 5 лет	35,5	29,4	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6
свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2

Источник: Российский... 2005: 392.

Данные табл. 3 демонстрируют, что за 1980–1990 гг. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет возросла в 1,4 раза, в следующее десятилетие – более чем в 2,5 раза и в период «экономического роста» (2000–2004 гг.) – более чем в 1,3 раза, что сопоставимо с первым указанным десятилетием. Средний возраст оборудования в промышленности ныне достигает четверти века¹.

Старение оборудования, с одной стороны, ведет к нарастанию числа и масштабов техногенных катастроф, с другой – к неизбежному снижению технологического уровня производства. Так, по оценкам экспертов Всемирного экономического форума, в 2004 г. Россия занимала 73-е место в мировом рейтинге по индексу технологической готовности [Экономика... 2004: 6]. Наши технические и технологические базы отстают от баз развитых стран на 17–20 лет. Последние обновления были в конце 1980-х – начале 90-х гг.

Согласно мнению экспертов, объем технологической продукции России на мировом рынке составляет 0,3 % [Российская... 2007; 2008].

Полностью деградировали обрабатывающие производства, особенно машиностроение, определяющее научно-технический прогресс в промышленности.

В настоящее время в РФ в обрабатывающих видах производств (по данным Росстата на конец 2012 г.) насчитывается 405 тыс. организаций (8,3 % от общего числа организаций в экономике России, причем действующих – лишь 60 % от наличия) со среднегодовой численностью работников 7,6 млн человек [Россия... 2013: 202–203, 250]. В 1990 г. по прежней отраслевой классификации число указанных предприятий составляло 26,9 тыс., то есть к 2012 г. оно возросло в 9–10 раз (действующих на 1.01.2012 г.). При этом средняя численность работников сократилась вдвое (в 1990 г. – 16,4 млн чел.), а объем промышленного производства в 2012 г. (в таблице 2013 г.) (в сопоставимых ценах) по сравнению с 1990 г. (в таблице 1991 г.) – на 12,8 %, в том числе производство машин и оборудования – на 46,5 %, транспортных средств и оборудования – на 30,4 %² (табл. 4). Произошел

¹ Нелишне отметить, что с 2005 г. в общедоступных справочниках Росстата перестают публиковаться данные о возрастной структуре производственного оборудования.

² Производство по видам продукции машиностроения в 1992–2012 гг. см.: Россия... 2011: 254–255, 257, 259; 2013: 265, 267–268.

процесс дезинтеграции обрабатывающих производств на основе массового банкротства крупных и средних предприятий, свертывания профильного производства и сокращения численности промышленно-производственного персонала. Среднегодовая численность работников на одном действующем предприятии в 2012 г. составляла 32 человека, в то время как до реформирования – 610 человек.

Оставшиеся производственные мощности обрабатывающих производств в настоящее время используются в пределах 50 %, а по ряду производств – и того меньше (например, по выпуску металлорежущих станков – лишь на 13 %) [Россия... 2011: 217; 2013: 247–248].

Проводимые обследования предпринимательской уверенности и экономической ситуации в обрабатывающих производствах свидетельствуют, что основными факторами, ограничивающими рост производства, остаются неопределенность экономической ситуации в стране, невостребованность продукции на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения [Россия... 2011: 222, 224].

Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры общественного воспроизводства. Об этом наглядно свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

**Индексы производства по видам экономической деятельности
(1991 г. = 100 %)**

	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,1	105,6	106,6	110,8
В том числе добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,7	111,4	117,6	120,5	123,9
Обрабатывающие производства В том числе:	81,8	47,5	50,9	68,9	82,9	77,8	88,7
Производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	44,9	63,3	48,7	53,7
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,7	59,7	52,0	68,7

Источник: Россия... 2014: 243–244.

Инвестиции в высокотехнологический комплекс, представленный в табл. 5 машиностроением и металлообработкой, из года в год сокращаются.

Таблица 5

**Удельный вес инвестиций в машиностроение и металлообработку
(производство машин, оборудования, транспортных средств) в общем объеме
инвестиций в основной капитал**

Годы	Удельный вес, %
1990	8,3
1992	4,9
1995	3,0
1998	3,2
2000	2,8
2005	2,3
2013	2,5

Источники: Российский... 2003: 596; Россия... 2005: 354; 2014: 459.

Из данных, представленных в табл. 5, видно, что в структуре общих инвестиций в основной капитал доля инвестиций в развитие машиностроения и металлообработки в 1990–2013 гг. сократилась в 3,3 раза – с 8,3 % в 1990 г. до 2,5 % в 2013 г. При этом общие инвестиции в основной капитал в указанный период из года в год сокращались и в 2013 г. составляли лишь 73,7 % к уровню 1990 г.

Сырьевая направленность российского воспроизводственного комплекса поддерживается и сложившейся отраслевой структурой оплаты труда (табл. 6).

Таблица 6

**Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата
по видам экономической деятельности, в % к средней по РФ**

Виды экономической деятельности	1995 г. (472,4 р./мес.)	2000 г. (2223 р./мес.)	2005 г. (8555 р./мес.)	2010 г. (20 952 р./мес.)	2013 г. (29 960 р./мес.)
Добыча полезных ископаемых	225,9	267,2	230,6	190,4	181,3
Добыча топливно-энергетических ресурсов	256,5	314,2	274,2	220,8	204,8
Финансовая деятельность	159,9	235,3	262,6	239,2	212,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	88,1	110,5	119,7	122,3	114,4
Производство машин и оборудования	80,0	88,8	97,9	95,4	93,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	78,5	90,1	96,1	96,3	97,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73,0	60,0	69,0	75,0	82,0
Образование	65,5	55,8	63,5	67,2	78,2
Сельское хозяйство	54,9	44,3	42,6	50,9	52,2

Рассчитано по: Россия... 2014: 135–137.

В экономике России, как известно, не востребован научно-технический прогресс и недооценивается инновационное развитие, о чем свидетельствует низкий уровень внутренних затрат на исследования и разработки (1,12 % в ВВП России, в развитых странах Запада – в 3–4 раза выше), ничтожно низкий уровень финан-

сирования науки из средств федерального бюджета (0,56 % от ВВП против 4–6 % в высокоразвитых странах и 4 % по действующему федеральному российскому закону) [Россия... 2014: 371]. Вследствие этого произошел полный застой в создании, а тем более в использовании передовых производственных технологий. Так, в 2000–2012 гг. в среднем за год существовало не более 900 предложений по производственным технологиям, или 0,5 % от общего числа применяющихся в 2012 г. технологий. При этом из 191,4 тыс. внедряемых в производство в России передовых технологий в 2012 г. 46 % используются более 6 лет [Россия... 2013: 385–388].

Между тем в период до 1990 г. в России имелись весьма значимые научно-технические достижения, в частности высокий уровень изобретательства. Например, в 1987 г. в нашей стране было зарегистрировано 83,7 тыс. изобретений, в США – 82,9 тыс., в Японии – 62,4 тыс., в Германии – 28,7 тыс. В настоящее время со значительным отрывом лидирует Япония – до 3000 патентов в год на 1 млн жителей, затем Южная Корея – 2200, США – 650, Германия – 600, Австралия – 500. Россия отстает от США и Германии в 4 раза, от Австралии – в 3,5 раза, не говоря уже о Японии (в 18 раз) и Южной Корее (в 14 раз).

Самыми изобретательными компаниями в 2010 г. были IBM, Samsung, Microsoft, Canon, Panasonic, Toshiba, Sony, Intel и LG Electronic. Скажем, IBM ежегодно вкладывает в научно-технические исследования и инновационные разработки 6 млрд долларов. В России же, к сожалению, общие инвестиции в производство машин, всех видов оборудования и транспортных средств в 2012 г. составляли примерно 9 млрд долларов. В структуре инвестиций на развитие указанных видов экономической деятельности в 2012 г. приходилось лишь 2,2 % [Россия... 2013: 469–471].

Вместе с физическим и моральным старением основных промышленных фондов, особенно техники и технологий, ухудшились все параметры человеческого потенциала. Численность населения уменьшилась с 148,2 млн человек на 1 января 1991 г. до 143,3 млн человек на 1 января 2013 г.

Существенно изменилась структура численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском хозяйстве) и в научной сфере за годы реформ существенно сократилась, и одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах и управлении (в 2,4 раза) [Российский... 2003: 137; Россия... 2013: 104]. Продолжающееся падение производства в высокотехнологичных отраслях промышленности и уменьшение государственных ассигнований на развитие науки и техники привели к резкому сокращению научных кадров и, естественно, научных исследований и разработок.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в стране ежегодно снижается и в 2012 г. составила 47,4 % от дореформенного (1992 г.) уровня (табл. 7).

Таблица 7

**Численность занятых НИОКР в России, тыс. чел.
(на конец года)**

	1992 г.	2000 г.	2012 г.	2012 г. в % к 1992 г.
Численность персонала – всего	1532,6	887,7	726,3	47,4
В том числе:				
исследователи	804,0	425,9	372,6	46,3
техники	180,7	75,2	58,9	32,6

Источник: Россия... 2014: 366.

Отсутствие в стране промышленной политики, господство рыночного либерализма – основная причина развала промышленного потенциала страны в целом и особенно машиностроения. Высокотехнологичный сектор экономики, ядром которого служит машиностроение, является системообразующим звеном любой экономики. От него зависят производственный потенциал страны, уровень обороноспособности и социальной устойчивости. Провозглашенная в правительственных кругах модернизация экономики, успех промышленной политики в целом зависят от возрождения отечественного машиностроения. Его развитие непосредственно связано с увеличением масштабов НИОКР и ростом объемов производства в таких наукоемких отраслях, как приборостроение, IT-технологии, радиоэлектроника, средства связи, промышленные роботы, авиакосмические комплексы и в настоящее время – нанотехнологии.

Мировой опыт и экономические расчеты показывают, что сбалансированное развитие экономики может обеспечиваться при условии, если в структуре промышленного производства на долю машиностроения будет приходиться не менее 25–30 %. Расходы на наиболее перспективные инновации должны преобладать, а на разработку и использование принципиально новых производственных технологий должно приходиться не менее 50–60 % (в развитых странах даже 60–80 %, тогда как в России – 10–15 %) [Россия... 2013: 385–388].

Как преодолеть деиндустриализацию

Проблема деиндустриализации экономики новой России была впервые замечена уже спустя два-три года после начала этапа ее радикальной рыночной трансформации, когда обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Мы наивно надеялись на силы саморегулирования, которые, так сказать, по определению должны были привести структуру нашей экономики к современному виду. Но вышло, как известно, по-другому.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима – все это привело к тому, что исчез так мучивший советских людей унижительный товарный дефицит и резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребителей. В це-

лом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса. И успех такой операции был очевиден.

Правда, при этом «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. И вот здесь начались проблемы, которые, при всех успехах рыночных преобразований в стране существуют до сих пор. Брошенная в ничем не ограниченную рыночную стихию подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта, и в результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и России, и всех других новоиспеченных независимых государств.

Собственно, тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности имеются отдельные замечательные успехи. Как когда-то были герои социалистического труда, так и сейчас есть герои капиталистического труда, которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низкая.

Для страны, которая начиная с 30-х и до начала 90-х гг. имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. Не буду здесь вдаваться в разнообразные причины такого развития событий, назову главную. В начале реформ нам хотелось иметь структуру, которая отвечает современным стандартам, но произошел очень большой перекоп в сторону сил саморегулирования и наблюдался преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате сегодня мы вновь находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много различных представлений о том, как это нужно сделать. Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая позиция – макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители не поддерживаемой мною школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4 %. Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и начнется инвестиционный бум.

Другая школа мышления, к которой принадлежу и я, считает, что небольшая инфляция – весьма значимый, но не решающий фактор для того, чтобы реиндустриализация началась не только в риторике, но и на практике. Сегодня нет недостатка в финансовых ресурсах. И дело не только в том, что деньги дороги. Просто у кредитора и заемщика большой страх, что средства, потраченные на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата: изготовленные товары не найдут сбыта.

Вторая позиция – бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы – это очень хорошо. Весь развитый мир находится сегодня в зоне турбулент-

ности только потому, что там допустили чрезмерный дефицит бюджета. Однако, с моей точки зрения, это было неизбежно, потому что нужно было каким-то образом останавливать кризис. Иногда говорят, что увеличение государственных расходов через политику «количественного смягчения» – это не что иное, как «заливание пожара керосином». Но на самом деле это неверно. Пожар заливают все-таки водой. А вот когда случится наводнение, то есть скачок инфляции, тогда будем им заниматься.

Так или иначе, добиваться бездефицитного бюджета во времена вялого частного спроса – сомнительное намерение. В такие периоды, как показывают теория и практика, вообще нет альтернативы государственным расходам, как бы мы ни относились к государству. Поэтому неверно просто стремиться к бездефицитному бюджету, которого, согласно официальным прогнозам, мы должны были достичь к 2015 г.

Третья позиция – рестриктивная денежная политика. Начиная с 90-х гг. все время идет разговор о том, что она безальтернативна, поскольку сдерживает инфляцию. Если же будет инфляция, не будет никакой экономической активности. На самом деле рестриктивная денежная политика продуктивна в зрелых экономиках, где редки монополистические злоупотребления. В других случаях такая политика далеко не всегда помогает добиться низкой инфляции, что, собственно, мы и видим в России.

Четвертая позиция – курсовая политика. По-моему, даже небольшое повышение реального курса рубля вредит экономике. Подозреваю, что на самом деле за этим скрывается средство антиинфляционного характера. Кроме того, такая политика серьезно увеличивает девальвационные риски. Когда у вас инфляция 6–7 %, а реальный курс национальной валюты растет, возникают большие разрывы между ее внутренней и внешней динамикой и, как следствие, увеличивается вероятность обвальной девальвации.

Следующая, пятая, позиция – очень важная: совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благоприятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуру современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности.

Надежды на прямые иностранные инвестиции как «палочку-выручалочку» также сомнительны: даже при идеальном климате их не будет, если не будет собственных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в Россию и без того зна-

чительны и направлены туда, где возникает быстрая и большая прибыль: в сырьевые отрасли и пищевую промышленность.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, то есть 60–70 % ВВП, у нас – 20 %. Между тем наш малый бизнес очень развит, очень эффективен и очень организован, а не дает он 70 % ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который, в отличие от топливно-сырьевого, как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас были крупные корпорации, выпускающие готовую продукцию, то стихийно возникло бы много малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает и без всякого «окна», нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия. Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправым сознанием, и с любыми административными барьерами.

Шестая позиция – прекращение роста заработной платы из-за якобы систематического повышения производительности труда. Этот пункт особенно прижился в «Стратегии-2020». Однако, во-первых, если, как в старину, просто соотносить долю заработной платы с валовым внутренним продуктом, то есть устанавливать норму эксплуатации, то она у нас в два раза выше, чем в зрелых странах. Во-вторых, наша средняя заработная плата – это «средняя температура по больнице». У нас менеджеры получают в тысячу, а не в 10–15 раз больше, чем трудящиеся, и поэтому неправомерно говорить о производительности труда шахтера, который не имеет отношения к оборудованию. К оборудованию имеют отношение менеджеры, и если они его не меняют, то можно сколь угодно понижать или повышать заработную плату шахтерам – ничего не изменится.

Седьмая позиция – важный «водораздел» проходит по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их резво проводить в начале нулевых годов, а потом будто бы все прекратили, и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке – это коммерциализация или установка на самокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Восьмая позиция – вредоносность «государства всеобщего благоденствия». С гордостью утверждается, что плоская шкала налогообложения – абсолютное благо. Завидует весь мир. Да здравствует мученик, наш новый русский Жерар Депардьё! Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Я уже говорил о том, что происходит ровно наоборот.

Наконец, даже те, которые соглашаются с нами, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно тогда, когда экономика во всем мире развивается вяло, отдают предпочтение сначала ректификации госаппарата, а лишь затем – промышленной политике. Однако в данном случае не может быть никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реинду-

стриализацию с тем аппаратом, который есть, и он сам будет улучшаться по мере изменения содержания его работы.

КЭС спасает рыночную теорию

Рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Сегодня практически все государства мира пытаются выйти из глобального финансового кризиса именно путем активного вмешательства в хозяйственную жизнь. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, именно американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первыми вынужденно прибегли к фактически социалистическим мерам.

Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идет система, еще не получившая своего «кизма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы, и возможно, не менее серьезные, чем у «старого». При этом надо иметь в виду отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может впасть в другую крайность – гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

К числу наиболее приоритетных следует отнести проблему и текущего кризиса, который, разумеется, сейчас первым приходит на ум, и догматизма, ответственного за многие бедствия отдельных стран и всего мира в последние десятилетия. Но центральной нерешенной проблемой я назвал бы режим взаимоотношений государственных институтов и частного предпринимательства, государства и рынка. От ее понимания, толкования и в конце концов манипулирования ею так или иначе зависят остальные важнейшие проблемы современной экономики и их решение.

Системный кризис лишь усугубляется оттого, что его пытаются – в очередной раз – преодолеть или излечиться от него теми же старыми способами, какие применялись со все меньшим успехом уже много-много лет. Но хотим мы того или нет, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придет ей на смену.

Последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо теснее, чем простое взаимодействие. Выход из кризиса потребует формирования иного понимания, развития новой модели экономики и, в частности, другой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идет о новом фундаменте, о принципиально новой модели экономики, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Надеюсь, этому могла бы способствовать разрабатываемая мною совместно с профессором А. Я. Рубинштейном Концепция экономической социодинамики (КЭС) [Гринберг, Рубинштейн 2008].

Смысл ее сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями общественных интересов, которые к ним не сводятся. Если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в стихийном процессе саморегулирования не обнаруживаются: они определяются политической системой и общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидов, выявляемым рыночным путем. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определенный объем ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах, эти интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации – в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные структуры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, установленным самим же государством как законодательной властью. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика – не просто теоретическая конструкция. Она является практической основой для деятельности государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы. Сегодня она вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией служит «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования.

Современная же экономика России, рыночная, но асоциальная, ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса.

Есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку не интересны – они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение – четыре основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство – больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый – больного, молодой – старого. При советской власти доминировал очень, как выяснилось, утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня: «Думай только о себе» – социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность»: на место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснован-

ные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал.

Что впереди?

Основными факторами текущей стагнации российской экономики являются: 1) так называемая инвестиционная пауза, связанная с завершением ранее начатых мегапроектов (Олимпиада, Универсиада, остров Русский и т. п.); 2) снижение мировых цен на нефть; 3) западные санкции. В этих суровых условиях инициирование и реализация государством структурной политики и массивного финансирования инфраструктурных проектов – безальтернативный императив. В России есть промышленные анклавы, которые еще способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам, и надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов. Здесь уместно заметить, что не существует совершенного и не зависящего от субъективных устремлений механизма определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Далее. В приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Кроме того, определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Но чтобы попасть в этот ряд, необходимо, на мой взгляд, выполнение трех базовых условий.

Первое – отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым государственным капитализмом. В свое время подобная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологема об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов примата так называемой общественной (а по сути государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты

рынка)? Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе – радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить, что кризис 2009 г. показал: финансовая «подушка безопасности» позволяет в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей, но она не предотвращает обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила в 2009 г. компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего, как это произошло в Китае, где стимулирование данного спроса увеличило последний в кризисном году почти на 15 %, что позволило обеспечить более чем 9 %-ный прирост ВВП.

Третье – в силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль придания мощного первоначального инвестиционного импульса модернизации. Обязательным же условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Однако такого рода партнерство должно опираться не на волевые усилия со стороны государственной власти, а на экономическую заинтересованность в нем некой критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства в данном направлении либо приведут к крайне ограниченным результатам для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого рода интерес у российских предпринимателей сегодня, как правило, отсутствует. И все дело в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а «крыша» со стороны человека, занимающего ту или иную «государеву должность», на что указывают сами предприниматели и признают высшие должностные лица государства.

Дефекты современной экономики России очень серьезны. Многие из них приобрели системный характер. Но это не означает, что их нельзя преодолеть.

Противники промышленной политики, сторонники так называемого радикал-либерального направления экономической мысли, справедливо отмечают, что и отрицательных примеров такой политики вполне достаточно. Но это как раз тот случай, когда уместно привести известное изречение Бертольда Брехта: «Если вы боретесь, вы можете проиграть, но если вы не боретесь, вы уже проиграли». Риски, конечно, существуют, но сложно представить себе экономическую деятельность без рисков вообще. Ясно одно: страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью успешной промышленной политики.

Литература

Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М. : ИЭ РАН, 2008. (Grinberg R. S., Rubinstein A. Ya. Foundations

of mixed economy. *Economic sociodynamics*. Moscow: Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences, 2008).

Российская газета. 2007. 4 декабря. (*Rossiyskaya gazeta*. 2007. December 4.)

Российская газета. 2008. 1 октября. (*Rossiyskaya gazeta*. 2008. October 1).

Российская газета. 2013. 11 октября. (*Rossiyskaya gazeta*. 2013. October 11).

Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2000. (*Russian statistical year-book: collection of articles*. Moscow: Goskomstat of Russia, 2000).

Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2002. (*Russian statistical year-book: collection of articles*. Moscow: Goskomstat of Russia, 2002).

Российский статистический ежегодник: стат. сб. М. : Госкомстат России, 2003. (*Russian statistical year-book: collection of articles*. Moscow: Goskomstat of Russia, 2003).

Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2005. (*Russian statistical year-book*. Moscow: Rosstat, 2005).

Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2005. (*Russia in figures: brief collection of articles*. Moscow: Rosstat, 2005).

Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2009. (*Russia in figures: brief collection of articles*. Moscow: Rosstat, 2009).

Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2011. (*Russia in figures: brief collection of articles*. Moscow: Rosstat, 2011).

Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2013. (*Russia in figures: brief collection of articles*. Moscow: Rosstat, 2013).

Россия в цифрах: крат. стат. сб. М. : Росстат, 2014. (*Russia in figures: brief collection of articles*. Moscow: Rosstat, 2014).

Экономика и жизнь. 2004. № 9. (*Economy and life*. 2004. No. 9).